

НУЛЕВОЙ

РАЗОМКНУТЫЙ КРУГ

— КНИГА ВТОРАЯ —

Илья Игнатов

Нулевой. Разомкнутый круг — вторая книга серии «Нулевой».

<https://litres.ru/74501727>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кир Астор больше не просто Нулевой. После невозможной победы на его запястье появился белый незамкнутый круг, а под Академией открылась дверь, которая молчала долгие годы. Теперь одни видят в нём надежду, другие — угрозу. Сам Кир пока не знает, кто из них прав.

За пределами учебных арен его ждёт Равель: город подвесных трамваев, поющих деревьев и мастеров, вплетающих магию в повседневную жизнь. Здесь можно сохранить мгновение цветущего сада, увидеть световых рыб над праздничной площадью и впервые захотеть остаться — ради друзей, открытий и девушки, рядом с которой даже молчать интересно.

Но интерес к дару Кира растёт. Чужая помощь оборачивается опасными обязательствами, знакомые противники учатся на своих поражениях, а следы исчезнувшей ученицы ведут в глубину Академии.

Чтобы приблизиться к разгадке, Киру предстоит пройти новые испытания и понять, кому можно довериться. Ведь за

открывшейся дверью скрывается тайна, ради которой кто-то готов распорядиться его жизнью.

Содержание

Содержание	6
Глава первая. После колокола	7
Глава вторая. Общее дело	18
Глава третья. Другой Кай	32
Глава четвёртая. Цена шва	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Илья Игнатов
Нулевой. Разомкнутый
круг — вторая книга
серии «Нулевой».

Илья Игнатов

Нулевой

Разомкнутый круг

Книга вторая

Содержание

Глава первая. После колокола

Глава вторая. Общее дело

Глава третья. Другой Кай

Глава четвёртая. Цена шва

Глава пятая. Город под мостами

Глава шестая. Один свободный шаг

Глава седьмая. То что остаётся

Глава восьмая. Право упасть

Глава девятая. Белая черта

Глава десятая. Возвращённые огни

Глава одиннадцатая. Пятый знак

Глава двенадцатая. Приёмная

Глава тринадцатая. Разомкнутый круг

Глава четырнадцатая. Голос из глубины

Глава первая. После колокола

Утром Кир обнаружил, что дверь его комнаты охраняют.

За порогом стоял стул, на стуле спал первокурсник из западного крыла. На коленях у него лежала раскрытая тетрадь, а над правым ухом медленно вращался крошечный огненный шар. Когда Кир потянул дверь, шар погас. Мальчик вскинул голову так резко, что ударился затылком о стену.

— Получилось? — спросил он.

— Что?

— Погасить.

— Я вышел умыться.

Мальчик растерянно посмотрел на ухо. Щёлкнул пальцами. Огонёк возник снова, качнулся и лопнул, оставив запах палёной шерсти.

— Я ночью лучше держу, — объяснил он. — Хотел проверить, правда ли ты можешь отнимать дары.

Кир придержал дверь здоровой рукой. Левый бок тянуло, плечо ныло, а незамкнутый белый круг на запястье выглядел так, словно его нарисовали под кожей молоком.

— Правда ли ты можешь спать в собственной комнате?

— Могу.

— Тогда начни с этого.

Мальчик поспешно собрал вещи. Стул оказался общежитским: когда его потащили, ножки упёрлись в камень. При-

шлось объяснять мебели, откуда её взяли. Кир смотрел, как сонный исследователь уговаривает стул вернуться в читальню, и впервые после вчерашнего боя улыбнулся.

У умывальников улыбаться перестал.

Двое учеников заметили его и замолчали. Девочка, сушившая волосы тёплым воздухом из ладоней, убрала руки. Её мокрая прядь легла на щёку. Кир занял крайнее место и долго ждал воды. Медная рыба над чашей смотрела стеклянным глазом. Обычно хватало показать ключ.

Он приложил пластинку Н-0 ещё раз.

Рыба выпустила тонкую струйку, чихнула и заговорила голосом комендантши:

— Индивидуальное обслуживание. Ограниченный расход. До проверки контура.

— Мне лицо помыть, а не башню затопить.

Из пасти упала последняя капля.

Кир вернулся за кружкой. У его двери уже стояла Тейра. Сыт сидел у неё на плече и жевал угол свежего объявления.

— Не ешь, — сказала она. — Сначала прочитаем, потом согласимся.

Объявление предписывало Киру Астору явиться в Зал мер после первого колокола, воздержаться от самостоятельного использования неучтённого дара и не приближаться к нижним переходам.

— Как воздержаться от того, чем я не умею пользоваться?

— Напиши им. Пусть пришлют инструкцию.

Тейра заметила кружку, молча взяла его за рукав и отвела к умывальникам. Показала свой ключ. Рыба выдала воду немедленно.

— Не удивляйся, — сказала Тейра. — У меня лицо зарегистрировано.

Она шутила, но Кир увидел, как крепко сжаты её пальцы. Вчера на один миг погасла и её печать. Он помнил это: синие линии исчезли, Тейра посмотрела на руку, и на её лице мелькнуло не только удивление. Потом свет вернулся. Кир не спросил, чего она испугалась или чему обрадовалась. Не знал, как спросить, чтобы не обидеть.

В столовой ему уступили место.

Раньше такого не бывало. Кир даже остановился, решив, что на скамье что-нибудь разлито. Но трое учеников действительно подвинулись. Кто-то спросил, больно ли было поймать каскад Кая. Кто-то хотел увидеть круг. Мальчик с огнём у уха теперь сидел через два стола и делал вид, что они не знакомы.

Кир спрятал запястье под рукавом.

— Ты ведь не принимал его целиком? — спросил широколицый ученик с жёлтой печатью у большого пальца. — Последний каскад. Я видел, ты ушёл внутрь.

— Пытался.

— Хороший шаг.

Простой ответ застал Кира врасплох. Он ожидал вопросов о двери, о голосе, о том, куда делись дары. Похвала за

движение показалась почти неправдоподобной.

— На нём всё и держалось, — сказал он.

Тейра поставила перед ним кашу. В каше шевелилась ложка, старательно собирая комочки в горку. Сыт попытался поймать её и получил по лапе.

— Не задирай подбородок, — тихо сказала Тейра.

— Я ничего не делаю.

— Поэтому и говорю заранее.

Он хотел возразить, но в этот момент другой ученик протянул ему хлеб. Кир поблагодарил слишком охотно. Тейра заметила. Конечно, заметила.

В Зал мер их проводил Сорен. Он ждал у лестницы с чашкой чая и двумя пропусками. На вопрос, почему два, ответил, что Тейра уже трижды пыталась пройти туда без приглашения.

— Дважды, — уточнила она.

— Третий раз ещё впереди. Я экономлю время.

Комиссия занимала небольшой круглый зал. В центре стояло кресло с медными подлокотниками. На столе лежали измерительные пластины, нитки разных цветов и обычная груша — пятнистая, с кривым черенком. Кир почему-то смотрел на неё, пока женщина в серой куртке читала его дело.

— Инспектор Ивена Рей, Палата мер, — представилась она. — Кресло не удерживает. Можешь встать в любой момент. Если станет плохо, скажешь мне или лекарке.

Лекарка с золотыми глазами стояла у окна. Кир обрадо-

вался ей больше, чем ожидал.

— Ему и сейчас плохо, — сказала она. — После вчерашнего ему положено лежать.

— Поэтому начнём с разговора.

Вейр сидел в стороне. Его серебряная нить на рукаве была такой же безупречной, как всегда. Кир вспомнил разрушенную арену и то, как преподаватель пытался назвать его победу сбоем.

Инспектор попросила рассказать о спасении Кая. Не о бое целиком, а о последних секундах. Кир рассказал: схватил за запястье, почувствовал вес, испугался, что пальцы разожмутся. Потом появилась линия.

— Ты хотел изменить свой дар?

— Я хотел не уронить Кая.

— До этого сознательно гасил чужие печати?

— Я и вчера этого не делал.

Она записала ответ без поправки. Затем положила перед ним грушу.

— Возьми.

Кир взял.

— Что чувствуешь?

— Она переспела.

Тейра кашлянула. Лекарка отвернулась к окну. Инспектор забрала грушу и объяснила, что её вырастили под устойчивым контуром сохранения. Никаких изменений не произошло.

Другие проверки дали тот же результат. Кир касался нитей, держал ладонь над пластиной, слушал едва слышный звон в пустом шаре. Круг на коже не светился. Чужие дары не исчезали. Под конец он устал настолько, что начал путать вопросы.

— Достаточно, — сказала лекарка.

Ивена сразу отодвинула инструменты.

— Пока у нас одно подтверждённое событие и несколько несовпадающих объяснений. Вчера на девять ударов сердца прекратилась работа четырёх защитных опор. В лазарете погасла нить, которая держала чужое лёгкое. Пациента спасли вручную. Ты должен знать, почему люди боятся.

Кир посмотрел на свои ладони. Вчера он думал об арене, о победе, об отце. Где-то рядом человек не мог вдохнуть.

— Это я?

— Мы не установили. Поэтому я не собираюсь писать, что это ты.

Вейр чуть наклонился вперёд.

— Но связь с откликом очевидна.

— Последовательность очевидна. Причина требует проверки.

Сорен поставил чашку на подоконник. Кир заметил, что чай так и остался нетронутым.

Инспектор сообщила о временном закрытии нижних переходов. Открывшаяся древняя арка находилась под действующим основанием Академии. Туда нельзя было просто

послать вооружённых людей: на обычные ключи она не отвечала, а вчерашнее гашение могло повториться. Предстояло собрать малую группу с разными способами работы.

— Ученики? — спросил Кир.

— Старшие курсанты, мастера, два наставника. И ты, если будет доказано, что можешь выполнять указания и не продолжать опыт после сигнала остановки.

— Для этого нужен бой?

— Для этого нужны проверки. Практическая часть включает поединки под ограничителем. Можно отказаться и пройти более долгую программу наблюдения.

— Насколько долгую?

— Пока не станет достаточно данных.

Кир услышал знакомое «пока». До трёх лет. До семи. До комиссии. До следующей комиссии. Он уже открыл рот, но Сорен поднял палец.

— Решение после отдыха. Сегодня он ничего не подписывает.

Инспектор согласилась. Вейр не стал спорить, и от этого Киру было спокойно.

В коридоре они остановились у окна. Внизу мастер в кожаном переднике разбирал повреждённый фонарь. К нему тянулась очередь из светляков-угольков: маленькие тёмные точки сидели на камне и ждали новых стеклянных шаров. Один всё время полз вперёд. Мастер возвращал его на место пальцем.

— Я не хочу ждать год, — сказал Кир.

— Я знаю, — ответил Сорен. — Но сегодня ты хочешь согласиться ещё и потому, что утром тебе уступили скамью.

Кир вспыхнул.

— Вы там не были.

— Мне и не нужно было.

Тейра смотрела в окно. Он разозлился и на неё: могла бы хоть сейчас не соглашаться молча.

— А если я пройду проверки?

— Тогда пойдём к арке с допуском, записями и людьми, которые смогут вытащить нас обратно. Это хороший исход. Просто до него ещё надо дожить без глупостей.

До обеда Сорен отвёл его обратно в лазарет. По пути они встретили человека на высокой колёсной скамье. На груди у него висел стеклянный сосуд с золотой нитью внутри. Сосуд покачивался при каждом движении, нить помогала дышать. Рядом шёл молодой помощник лекарки, придерживая трубку.

Кир остановился. Человек заметил взгляд и прикрыл сосуд ладонью. Сорен мягко тронул Кира за плечо, предлагая идти дальше, но тот уже спросил:

— Это вчера погасло?

Помощник посмотрел на Сорена. Пациент ответил сам:

— Погасло. Потом зажглось. Теперь катают, чтобы я перестал жаловаться на кровать.

Он был не старым, лет сорока, с обветренным лицом и ко-

ротко обрезанными ногтями. Кир ожидал обвинения. Вместо него получил усталый взгляд человека, которому хотелось доехать до солнечного окна.

— Простите, — сказал Кир.

— За что?

Он не нашёл точного ответа. За то, что обрадовался победе? За круг? За то, что не знал о чужом лёгком? Сорен не подсказал.

Пациент вздохнул, и нить в сосуде вспыхнула ярче.

— Скажи лучше, внизу сегодня кормят нормальным супом или опять травой?

Кир сказал, что ещё не был в столовой. Человек махнул рукой и попросил помощника везти дальше. Разговор закончился, оставив Кира с несказанным извинением.

В палате он спросил Сорена, почему тот не объяснил, кто перед ними. Наставник сел на край свободной койки.

— Потому что он не обязан становиться частью твоей истории. У него своя рана, свой день и право не обсуждать вчерашнее с незнакомым мальчиком.

Кир посмотрел на дверь. Ему стало стыдно по-новому: даже чужой страх он успел повернуть к собственному дару. Сорен дал ему воды и не продолжил урок. Некоторые вещи от лишних объяснений только болели сильнее.

Позже Кир спросил у помощника, можно ли принести тому человеку суп из Нижних галерей. Помощник уточнил у лекарки и ответил, что пока нельзя, зато можно свежую газе-

ту. Кир купил листок с новостями городских артелей и оставил на посту без подписи. В нём были цены на древесину, спор о новом мосте и заметка о потерявшемся грузовом звере. Никаких Нулевых. Он надеялся, что человеку будет интересно.

После обеда Кир получил письмо из дома. Бумага была мятой: почтовая ласточка промокла и обсушилась прямо на конверте. Мира писала, что они добрались благополучно, что Дан весь вечер рассказывал соседям про три метки, а ночью сидел на кухне и молчал. Она просила сообщать о здоровье точно, без слова «нормально», потому что это слово в их семье давно ничего не означало.

Внизу отец приписал: «Когда тебя поздравляют, не обязательно сразу обещать им следующую победу».

Кир перечитал строчку. Затем достал костяную бусину Тейры. Она всё ещё лежала в кармане той самой куртки. Он обещал держать её до Лестницы и забыл вернуть.

Тейра пришла вечером с двумя яблоками. Сыт спал у неё в капюшоне, выставив наружу одну лапу.

— Твоё, — сказал Кир, протягивая бусину.

Она покрутила её между пальцами, надела шнурок на шею.

— Ты решил?

— Пройду отбор.

— Из-за двери?

Он хотел ответить сразу. Вместо этого посмотрел на от-

цовскую приписку.

— И из-за двери тоже.

Тейра кивнула. Такой ответ ей понравился больше красивого.

Ночью колокол молчал. Кир проснулся всё равно. Сквозь щель в занавеске был виден мост, а за ним — тёмный провал Расщелины. Белый круг на запястье не изменился. Он провёл по нему большим пальцем и впервые подумал, что незамкнутость может означать не только начало.

В комнате было тихо. За дверью никто не спал на стуле. Кир лёг, положил здоровую руку под щеку и дождался утра, не пытаясь вызвать голос.

Глава вторая. Общее дело

На третье утро после комиссии Академия велела всем первокурсникам принести по ведру.

Объявление висело поверх расписания. Под ним стояло имя преподавателя хозяйственных контуров, а ниже красными чернилами было добавлено: «Дар не заменяет ведро».

Кир пришёл последним. Бок уже позволял ходить быстро, но лекарка запретила бег, и Сорен передал запрет комендантше. Теперь лестница восточного крыла начинала громко скрипеть, если Кир пытался перескочить через ступень. Всякий раз из-за ближайшей двери кто-нибудь кричал: «Ас-тор, шагом!»

Хозяйственный двор оказался залит водой. В центре стоял круглый резервуар на шести каменных ногах. Из трещины в его боку бил фонтан. Преподаватель, маленькая женщина с мокрыми до колен штанами, распределяла учеников по цепочке.

— Направляющие переносят пустые сосуды. Телесные держат желоб. Связующие проверяют стыки. Все прочие черпают.

— Я могу заморозить трещину, — предложил мальчик из сильной группы.

— И разорвать резервуар, когда вода расширится. Нет.

— Можно испарить.

— Вместе с бельевой мастерской наверху. Тоже нет.

Тейра взяла ведро без вопросов. Селла уже стояла у желоба, распустив зелёные нити на несколько тонких прядей. Кир пристроился между ними. Через десять минут у всех заболели плечи, а преподаватель объявила, что теперь они готовы слушать.

Резервуар не был учебной поломкой. Во время гашения печатей клапан остался открытым, и старый бак не выдержал перепада. Вода поступала из горных сборников. Пока не закроют верхнюю ветку, её нужно было отводить вручную, иначе затопит комнаты сушильщиков.

— Почему сами сушильщики не помогут? — спросил кто-то.

— Потому что спасают вашу одежду. И мою. Двигайте руками.

Кир видел подобные баки в Талвере, но никогда не думал, кто чинит их изнутри. На улице казалось, что город сам подаёт воду, сам освещает окна, сам возит людей через реку. Здесь за каждым удобством обнаруживалась очередь усталых рук.

К обеду клапан закрыли. Учеников накормили прямо во дворе. Хлеб оказался вкуснее столовского, хотя был тем же самым.

Селла разматывала нить с запястья. В двух местах кожа под ней побелела.

— Ты записалась в группу? — спросил Кир.

— На связующие работы. Там платят за подготовку, даже если не пройдёшь спуск.

— Ты хочешь из-за денег?

Она подняла брови.

— Ещё хочу узнать, как устроены старые узлы. Одно другому не мешает.

Кир почувствовал себя глупо. О деньгах он почти не думал. Еда и комната появлялись как часть Академии, хотя в Зале Назначений им объясняли цену обучения. Селла отправляла половину стипендии домой. У её матери был дар удерживать ткань от гниения, полезный для складов и почти бесполезный, если склад закрывался.

Тейра слушала внимательно. Потом спросила, сколько платят за работу с защитными контурами.

— Ты тоже пойдёшь? — удивился Кир.

— На отбор — да. До нижней арки ещё посмотрим.

— Из-за меня?

— Кир, там старые отводы силы. Возможно, кто-то до нас уже придумал, как не носить половину удара в себе до вечера. Я хочу это увидеть.

Она сказала спокойно, и он вовремя удержал следующий вопрос. Селла протянула ей бланк. Они уже обсуждали требования, пока Кир разбирался со своим кружком на руке.

После хозяйственного двора был урок общей службы. Ученики вошли мокрые, пахнущие баком, и обнаружили на каждой парте по небольшому стеклянному городу. В домах

горели огни, по каналам двигались точки лодок. Над центром висел крохотный красный шар.

Преподаватель велел выбрать, кому достанется запас тепла, если источник иссякнет до утра. У каждой группы было только три медных жетона. Жилые кварталы требовали два, лечебница — два, водяной узел — один, пекарня — один. Красивого ответа, при котором хватало всем, не было.

Кир сразу положил два жетона у лечебницы. Тейра — последний у воды.

— Люди дома замёрзнут, — сказал Орн с соседнего места.

— В домах можно растопить печи, — ответил Кир.

Преподаватель перевернул карточку. В нижнем квартале дымоходы были запечатаны после пожара. Оставалось только магическое отопление.

Кир забрал жетон у воды.

— Тогда замёрзнут трубы, — сказала Селла. — Утром не будет воды и для лечебницы.

Они начали спорить. Орн предложил отдать всё жилому кварталу: там больше людей. Тейра спросила, кто будет решать, каким больным не дожить до утра. Орн разозлился и сказал, что она подменяет задачу. Кир хотел поддержать её, но преподаватель остановил всех.

— Вы распределяете жетоны уже десять минут. Что ещё можно сделать?

— Попросить соседний город, — сказала Селла.

— Арки нет. Дорога перекрыта снегом.

— Перенести больных в тёплые дома?

— Часть можно. Кого-то двигать нельзя.

Кир посмотрел на пекарню. Внутри модели стояла маленькая печь. Она горела даже без жетона: использовала уголь, магия только удерживала тепло.

— Собрать людей здесь и в других местах с настоящими печами. Не греть пустые дома всю ночь. Дать воду по часам, пока не замёрзла.

— Кто поведёт людей? — спросил преподаватель.

— Стража.

— Стража расчищает обвал на дороге.

— Тогда мы. Те, кто может ходить.

Преподаватель положил четвёртую карточку. На ней были имена жителей и их навыки. Половина навыков не относилась к дарам. Кто-то умел управлять повозкой, кто-то знал старые печи, кто-то мог накормить сразу тридцать человек.

Кир вдруг понял, что всё это время видел в стеклянных домах только получателей силы. Не людей, способных сделать что-нибудь сами.

Их решение всё равно оказалось несовершенным. Один склад промёрз, часть лекарств пришлось перенести, несколько пожилых жителей отказались уходить. В модели начался шум: тонкие голоса спорили, требовали, обвиняли. Тейра не выдержала и постучала по стеклу.

— Мы пытаемся вам помочь!

Преподаватель усмехнулся.

— Теперь вы понимаете работников городской службы.

После занятия Кир задержался у парты. Спросил, случилось ли такое на самом деле. Преподаватель назвал город на севере и год. Людей вывели, но потеряли запас семян, и следующей весной пришлось покупать зерно в долг. На модели семян не было. Их добавляли на втором курсе, когда ученики начинали уверенно считать, что уже всё предусмотрели.

Кир вышел с неприятным чувством, что даже правильное решение оставляет кому-то тяжёлую работу. Раньше он думал о силе как о возможности не стоять у стены под чужим ударом. Теперь видел, что сильных людей ставят у других стен: между холодом и городом, между рекой и складом, между одним чужим требованием и другим.

У окна он догнал Тейру. Она всё ещё сердилась на стеклянных жителей.

— Я бы тоже не ушла, если бы мне сказали бросить дом за пять минут, — сказала она наконец.

— Даже если холодно?

— Особенно если всю жизнь мне говорили, что дома безопасно.

Кир подумал о Мире и ничего не ответил.

На обед они свернули через кухонный переход. Селла знала эту дорогу: там не было очереди на лестнице, а из открытых дверей иногда отдавали сломанные лепёшки. Кир думал, что кухня Академии должна походить на лабораторию. Он представлял печати на котлах, сияющие ножи, по-

варов в длинных перчатках.

Первым он увидел человека, который сидел на перевёрнутом ведре и чистил лук.

Человек плакал.

— Не стойте в дверях, — сказал он. — Сквозняк.

За его спиной было столько света, что Кир невольно прищурился. Высокие окна выходили на южную сторону; под потолком медленно поворачивались четыре широких медных листа. Они ловили солнце и направляли его к рабочим столам. Там, куда настоящий луч не доставал, ложилось тёплое золотое пятно, чуть дрожащее по краям.

Между столами проходила полоса пара. Он не рассеивался: тянулся ровно, как светлая ткань, над тремя рядами теста. Повариха с закатанными рукавами проводила ладонью под каждым куском. Тесто приподнималось, круглело, и на его поверхности возникали маленькие пузыри. Рядом помощница нажимала на него пальцем и то одобрительно кивала, то отставляла противень.

— Ещё рано.

— Оно уже поднялось.

— А внутри не дошло. Рукам своим верь, Лисса.

Кир остановился возле стеклянного шкафа. В нём на полках лежали жёлтые груши. У каждой под кожицей мерцала крошечная искра. Когда повар доставал плод, искра гасла, а по комнате расходился запах тёплой осени.

— Сохранение? — спросил Кир.

Повар кивнул и протянул ему грушу с лопнувшим боком.
— Эту сегодня съесть. Иначе поползёт.

Тейра немедленно достала нож. Разрезала плод на троих; Сыт вытянул шею из воротника и потребовал четвёртую долю. Сок потёк Киру по запястью. Груша была ещё холодной у черенка и сладкой настолько, что он на миг перестал слышать грохот посуды.

В другом конце кухни мальчик-подмастерье переносил со стола на стол тонкие круги теста. Они плыли перед ним, обвисая по краям. Мальчик шёл боком, высунув язык, и шептал каждому:

— Только не складывайся. Только не сейчас.

Последний круг всё-таки сложился ему на лицо. Повариха сняла тесто одним движением, отправила в обрезки и велела умыться. Даже не засмеялась. Видимо, это случалось часто.

— А разве так быстрее? — спросила Тейра.

— Пока нет, — ответила повариха. — Через год будет.

Она велела им отойти от двери печи. Изнутри тянуло густым жаром. У самого пламени висели тёмно-красные бусины размером с вишню, нанизанные на неподвижные металлические стержни. Повар повернул ручку. Бусины посветлели, и жар прошёл над лепёшками ровной волной. Тонкие края поднялись одновременно, как листья от ветра.

Кир смотрел, пока верхушки не покрылись золотыми пузырями.

— Будешь стоять — держи, — сказала повариха.

Она сунула ему корзину. Он держал, а она снимала лепёшки длинной лопатой. Горячий хлеб шуршал, ложась один на другой. От корзины грелся живот. Рядом Селла уже завязывала полотенце на полной миске, Тейра спорила с Сытом из-за муки на его носу.

Им дали по лепёшке с сыром. Кир свою ел медленно, отламывая обожжённые края. Сквозь окна столовой была видна та же полоса солнца, которую медные листы ловили для поваров. Он выбрал место в её конце и отодвинул тетрадь, чтобы на неё не капнул сыр.

После уроков началась регистрация. Зал мер преобразился: кресло убрали, вместо него поставили три стола. У первого принимали заявления, у второго выдавали медицинские листы, у третьего спорили о допусках.

Правила висели на стене. Участникам предстояли исходная проверка, специальное испытание и итоговый поединок. Отдельно оценивались работа с приборами, исполнение команды остановки и помощь группе. Проигрыш сам по себе не закрывал путь. Отказ остановиться закрывал.

Кир перечитал последнее условие.

— Нравится? — спросил Сорен за спиной.

— Это вы написали?

— Согласовал. Написала Ивена. Её вариант был короче моего и значительно злее.

В нижней части листа указывалось: ученики допускаются только во внешний обследованный круг. Внутренние прохо-

ды остаются закрытыми. Каждый участник имеет право прекратить работу без потери места в Академии.

Кир подписал заявление. Руке всё ещё было неудобно держать перо.

— Астор?

Рядом стоял молодой человек в тёмно-зелёном жилете. Он был старше Кира на пару лет, с гладко зачёсанными волосами и узким перстнем на мизинце. Ни золота на вороте, ни тяжёлой цепи. Только ткань сидела так точно, что рядом собственная куртка Кира казалась вещью, найденной у дороги.

— Севран Орс, — представился он. — Мы не встречались. Поздравляю с Лестницей.

Кир поблагодарил. Севран говорил без удивления, без того нажима на слово «нулевой», который Кир привык слышать у незнакомых людей.

— Будешь нужен за аркой, — сказал он. — Но пройти туда мало. Придётся ещё удержать то, что откроется. Я занимаюсь согласованием даров.

За ним ждали трое. Невысокий широкоплечий парень держал сумку с приборами; девушка с короткой косой крутила между пальцами каменный шарик; длиннорукий юноша смотрел на верхние окна, как будто мысленно считал расстояния.

— Ивар, Лета, Тарс, — назвал их Севран. — Работаем вместе с прошлого круга.

— Вы все идёте?

— Если пройдем. Хотим сохранить состав. Удобнее, когда люди знают друг друга.

Севран попросил разрешения посмотреть круг. Кир помедлил и оттянул рукав. Тот не коснулся руки, только наклонился.

— Красивый след.

— Все хотят узнать, что он делает.

— Я тоже. Но можно сначала признать, что он красивый.

Кир невольно улыбнулся. Тейра, стоявшая у соседнего стола, заметила это с выражением, которое он не сумел прочесть.

Севран ушёл к комиссии. Служитель встал ему навстречу. Не поклонился, но отложил чужое дело, хотя очередь ещё не закончилась.

Вечером состоялась открытая проверка групповых контуров. Кир остался посмотреть. На площадке поставили три стойки, каждой нужно было передать каменный груз через ров. Самостоятельно Ивар двигал его медленно; Лета умела создавать короткий упругий жгут; Тарс выпускал плоские толчки, которые сбивали груз с опоры чаще, чем помогали.

Севран соединил их браслеты тонким янтарным светом.

Ивар поднял камень. Лета перехватила его жгутом. Тарс толкнул точно в тот миг, когда она отпустила. Груз перелетел ров и лёг в приёмное кольцо.

Ученики захлопали. Кир тоже.

Во второй попытке груз был тяжелее. Ивар напрягся, Севран повернул ладонь, и свет у запястья силача стал ярче. Одновременно жгут Леты провис. Она выругалась, исправила хват. Груз всё-таки попал в кольцо.

— Видел? — спросил Сорен.

— Лета едва не уронила.

— Почему?

— Не хватило силы.

— Ей не хватило прибавки. Собственный дар у неё остался. Это разница, которую полезно помнить, когда работаешь с согласователем.

Севран объяснял комиссии, что его запас распределяется между подготовленными связями. Усилить всех одинаково можно ненадолго. Сосредоточить прибавку на одном — дольше, но остальные должны заранее знать, что её потеряют. Управляющий браслет удерживал общий узор, а движения кисти выбирали получателя. Без браслета Севран мог работать только с одним человеком через прямое касание. Собрать три связи заново требовало нескольких спокойных минут, которых в аварии обычно не бывало.

Он говорил уверенно и охотно показал неудачную попытку ещё раз. Киру понравилось, что он не обвинял Лету.

На обратном пути Тейра спросила:

— Тебе понравился?

— Нормальный человек.

— Возможно.

— Что не так?

— Ничего. Просто он объяснил, зачем ты ему нужен, раньше, чем спросил, чего хочешь ты.

Кир пожал плечами. Ему показалось, что она придирается.

У восточного корпуса их ждал Кай. На правом запястье у него была прозрачная лечебная повязка. Серебряная стрела под ней выглядела короче прежнего.

— Ты выбрал исходную пару? — спросил он.

— Ещё нет.

— Выбери меня.

Тейра остановилась.

— Вам обоим мало?

Кай посмотрел на неё, затем снова на Кира.

— Пять касаний. Ограничение второго контура. Без каскада. Лекарь уже разрешил.

Кир почувствовал странное облегчение. Незнакомый противник мог обладать чем угодно. Кай был понятен: опора, направление, расчёт. Даже если стал осторожнее, правило осталось прежним.

— Хорошо.

— Не сейчас, — добавил Кай. — После твоего допуска. Мне не нужна победа над больным.

Он ушёл, не дожидаясь ответа.

Тейра пнула камешек. Тот долетел до стены и превратился в сонного жука. Она извинилась перед ним автоматически.

— Ты слишком быстро согласился.

— А надо было бояться?

— Надо было хотя бы подумать.

Позже Кир рассказал Сорену. Тот только спросил, сколько раз за прошедшие дни Кир наблюдал за тренировкой Кая.

— Ни разу. Он в другом дворе.

— Тогда почему тебе кажется, что ты знаешь противника?

Кир не ответил. Перед сном он раскрыл Карту Шрамов на записи о Лестнице. Три метки. Два знакомых направления. Один выбранный шаг. Всё было правдой.

Он перелистнул страницу и начал рисовать арену будущего боя. Кая поставил у правого края, именно так, как тот стоял в последний раз. Потом зачеркнул рисунок. Нарисовал заново.

Второй Кай получился точно таким же.

Глава третья. Другой Кай

До поединка прошло девять дней. Кир считал их по отметкам лекарки: сначала запрет на бег, потом разрешение на быстрый шаг, затем короткая тренировка под наблюдением. Сорен не позволил наверстать пропущенное за один вечер. Вместо этого они разбирали записи и ходили по двору, меняя темп по хлопку.

— Это даже не похоже на бой, — сказал Кир на третьем занятии.

— Кай тоже не обязан делать то, на что похожа твоя подготовка.

Сорен хлопнул дважды. Кир остановился. Один раз — пошёл. Потом наставник поднял ладонь без хлопка, и Кир опять остановился.

— Вот это он и будет использовать.

Кир понял упражнение, но понимание не мешало злиться. За соседней стеной гремели настоящие удары. Здесь взрослый человек учил его ходить, словно с Лестницы он вернулся младенцем.

В день проверки стоял мелкий дождь. Арену накрыли прозрачной крышей, и над головами висела вода, собранная в неподвижные тяжёлые капли. Раз в несколько минут край крыши поднимался, сбрасывая их в желоб. Звук походил на выдох.

На этот раз не было трибун и родителей. Только участники отбора, два судьи, лекарка и комиссия. Тейра сидела на скамье рядом с Селлой. Сыт прятался под воротником: ему не нравилось, что дождь идёт и не падает.

Киру закрепили пять плоских меток: две на груди, две на плечах, одну на животе. Касание ладонью зажигало знак. Повторное касание уже отмеченного места не считалось. У Кая были такие же. Удары в голову запрещались. Выход за белую черту останавливал обмен, но не давал очка. Падение само по себе поражением не считалось.

— По слову «стой» прекращаете любое воздействие, — сказал судья. — Вопросы?

Кир покачал головой. Кай спросил, считается ли касание пальцами. Судья уточнил: достаточно двух, если пластина распознает прямой контакт.

Кир запомнил вопрос и тут же забыл о нём.

Они заняли места. Плечо у Кая было расслаблено, ноги стояли почти рядом. Необычно близко. Кир решил, что тот бережёт печать и поэтому не собирается бить сильно.

Начало получилось удачным. Первый толчок пришёл справа. Кир развернулся, дал ему скользнуть вдоль спины и удержался. Кай чуть повёл бровью. Кир шагнул ближе, готовый к следующему вектору.

Следующего не было.

Кай просто ударил ладонью в метку на его плече. Под тканью вспыхнуло золото.

Один.

Кир отступил. Удар был почти обидно обычным.

— Разойтись, — сказал судья.

На втором сходе Кир держал дистанцию. Кай поднял правую руку, и тело Кира заранее опустило плечо. Воздух толкнул его в колено. Не сильно, но в тот миг, когда вес уже ушёл на другую ногу. Кай приблизился. Кир успел прикрыть грудь, поймал запястье и едва не коснулся чужой метки.

Кай выдернул руку. Они разошлись без очка.

Теперь Кир смотрел ниже, на ступни. Кай поставил правую чуть сзади. Вот она, опора. Кир вспомнил мокрый мостик Лестницы, кольцо в камне, дугу собственного падения.

Он двинулся, прежде чем вспыхнула стрела.

Кай перенёс вес на левую ногу. Короткий вектор ударил Кира в бок, навстречу развороту. Воздух вышел из груди. Кир согнулся и пропустил касание живота.

Два.

Скамья за границей арены скрипнула. Он не смотрел, кто встал. Ему было жарко, хотя под крышей тянуло холодом.

— Дыши, — сказал Сорен.

Кир вдохнул слишком глубоко. Бок отозвался болью, и он испугался, что старая рана открылась. Лекарка подняла палец. Судья остановил бой для осмотра. Оказалось, ничего не разошлось. Просто спазм.

— Продолжить можешь, — сказала она. — Но не обязан.

Кир посмотрел на Кая. Тот стоял в отдалении, не усме-

хался и не подгонял. Это почему-то злило сильнее.

— Продолжу.

Третий обмен Кир решил начать сам. Если всё время ждать, Кай будет выбирать каждое движение. Он пошёл вперёд короткими шагами, прикрывая незажжённые метки. Кай отступал. До черты оставалось немного.

Толчок в грудь. Кир устоял. Второй в ту же точку — слабее. Он выдержал и его. Третий должен был прийти справа; плечо уже поворачивалось навстречу знакомой защите.

Кай не ударил.

Кир развернулся в пустоту. Чужие пальцы легли на правую метку груди.

Три.

— Ты ждёшь продолжение, — тихо сказал Кай, проходя мимо.

Кир хотел ответить, но не нашёл слов. Его тело действительно ждало. Собирало первые движения в знакомую цепь и пыталось прожить её до конца. В Карте Шрамов про это было написано. Он сам писал. Читал. Подчёркивал.

И всё равно верил плечу больше, чем глазам.

На четвёртом сходе он решил вообще не угадывать. Смотреть только на то, что происходит. Кай толкнул его в предплечье; Кир опоздал, но не потерял стойку. Следующий удар пришёл ниже. Он отступил и пропустил Кая сбоку, успев зацепить пальцами его левое плечо.

Чужая метка вспыхнула.

Три — один.

Тейра шумно выдохнула. Кир услышал и почувствовал, как возвращается сила. Он может. Если не торопиться, может.

Кай посмотрел на плечо, кивнул сам себе и сменил стойку.

Теперь толчки шли без заметных взмахов. Очень короткие, почти тычки. Один отводил локоть, другой мешал поставить стопу. Они не сбивали с ног, но заставляли непрерывно поправляться. Кир устал быстрее, чем от сильных ударов. На каждую мелочь уходило движение, на каждое движение — вдох.

Он попытался навязать захват. Кай позволил взять рукав, шагнул вплотную и коснулся второй плечевой метки двумя пальцами.

Четыре — один.

Оставалась левая пластина на груди. Кир прикрыл её предплечьем. На миг ему захотелось просто вцепиться в ткань и стоять так до вечера. Не проигрывать. Пусть Кай делает что хочет, только не ставит последнюю точку.

Судья велел разойтись. Кир отступил к краю. За чертой Сорен смотрел прямо на него.

— Задача? — спросил наставник.

Кир хотел сказать: победить. Но в голосе Сорена был тот же тон, что на тренировке с хлопками.

— Увидеть следующий удар.

— Один, — уточнил Сорен.

Кай приблизился. Кир не стал смотреть на всё тело сразу. Выбрал грудь. Перед коротким импульсом тот на мгновение задерживал выдох. Не перед движением руки — именно перед толчком. Это длилось так мало, что в начале Кир принял бы за случайность.

Задержка.

Кир ушёл. Вектор прошёл мимо предплечья. Он оказался ближе, чем Кай ожидал, и коснулся правой стороны груди.

Четыре — два.

Теперь стало тихо. Кир слышал дождь в желобе и собственное дыхание. Ладонь дрожала. Он уже знал, что попробует ещё раз. Надо дождаться паузы, сократить шаг, не разворачивать плечо раньше времени.

Кай поднял руку.

Выдох остановился.

Кир пошёл.

И увидел, как уголок рта Кая едва заметно дёрнулся.

Слишком поздно.

Толчка не было. Кай сделал полшага назад, пропуская его вперёд, затем обычным движением отвёл защищавшую грудь руку. Кир попытался восстановить равновесие. В этот момент слабый вектор толкнул пятку. Не тело, не плечо — пятку, которой требовалось найти опору.

Кир осел на колени. Два пальца коснулись последней пластины.

Пять — два.

— Стой.

Кир всё ещё пытался поднять руку. Услышал команду и опустил. Это усилие оказалось самым тяжёлым за весь бой.

Кай отступил. Судья назвал победителя. Никакого шума не последовало: несколько хлопков, скрип скамьи, кашель. Кир смотрел на мокрое пятно у края крыши. Капли попадали туда раз в несколько минут, но круг на камне уже стал широким.

Кай протянул руку. Кир поднялся сам.

— Ты готовился к тому, каким я был, — сказал Кай.

— Доволен?

— Да.

Честность ответа ударила сильнее насмешки. Кай снял метки и ушёл к лекарке. Кир остался, пока судья не попросил освободить площадку.

В коридоре его догнал Севран.

— Обидный результат. Первую победу, конечно, у тебя никто не отнимет.

— Спасибо.

— Просто теперь о ней будут говорить иначе. Ты не обращаешь внимания. Люди быстро меняют мнение.

Кир кивнул, потому что не придумал, как закончить разговор. Севран дружески коснулся его плеча — именно того, куда пришлась первая метка.

В лазарете выяснилось, что повреждения небольшие: растяжение, ушиб ребра, содранное колено. Кир почему-то по-

чувствовал стыд. Если бы сломал что-нибудь, было бы объяснение. А так он просто проиграл.

Тейра пришла, когда лекарка закончила.

— Не говори, что всё хорошо, — попросил он.

— Не собиралась. Ты сидишь на моей сумке.

Он подвинулся. Она достала чистую рубаху, положила рядом. Сыт вылез из капюшона и принялся обнюхивать бинт на колене.

— Я увидел его дыхание, — сказал Кир. — На один раз хватило.

— Значит, увидел.

— И сразу решил, что теперь знаю всё.

Тейра села рядом.

— А потом?

— Потом он сделал вид, что дышит так же.

Она кивнула. Не стала объяснять, что предупреждала. Это было хуже и лучше одновременно.

Кир признался, что хотел закрыть последнюю метку обеими руками и перестать двигаться. Тейра пожала плечами.

— Я иногда хочу вообще не выходить на площадку. Особенно когда ночью руки болят. Желание ещё не приказ.

Сорен зашёл позже с протоколом. Исходная проверка была пройдена: проигрыш записан, сигнал остановки исполнен, опасного превышения нет. Следующий этап назначат после восстановления.

— Они что, дают допуск за поражение?

— За пригодность к работе. Это разные графы.

Кир отвернулся. Он понимал смысл, но утешением это пока не стало.

Перед уходом Сорен предложил посмотреть запись. Кир отказался. Потом, когда наставник уже взялся за дверь, позвал обратно. Ему хотелось отложить этот бой в сторону, но он боялся, что за ночь придумает удобную версию и начнёт верить ей больше, чем собственной памяти.

Они сели у маленькой пластины. На ней двигались два светлых силуэта. Без лиц, без голосов, без чужих взглядов за чертой. Кир впервые увидел себя со стороны в первые секунды: слишком низкое плечо, нога уже приготовлена для определённого шага, рука тянется туда, где Кай ещё не появился.

— Остановите.

Сорен остановил.

— Я ведь уже начал уходить. До удара.

— Да.

— Но на Лестнице это помогло.

— Тогда ты правильно прочёл движение. Сегодня решил, что прочёл, раньше, чем оно произошло.

Кир попросил прокрутить дальше. На записи Кай почти не выглядел сильным. Маленькие движения, короткие касания, спокойные шаги. Тело Кира совершало половину работы за него, само открывая нужные места. От этого было неприятно, но и легче: поражение переставало быть загадкой о том, почему он снова оказался хуже всех. У него были точ-

ные причины.

Они нашли три момента, когда можно было поступить иначе. Сорен не называл правильный ответ. Просил предложить два. Первый вариант Кир придумывал быстро, второй — с трудом. Иногда выяснялось, что второй хуже первого. Это тоже записывали.

На последнем касании Кир хотел выключить пластину. Сорен оставил решение ему. Кир досмотрел. Увидел, как опустил руку после команды «стой», хотя ещё мог попытаться ударить в ответ. На живой арене он почти не запомнил этого движения.

— Вот здесь ты сделал хорошо, — сказал Сорен.

— Проиграл и не подрался с судьёй?

— Проиграл и услышал человека. Не каждый это умеет, когда ему стыдно.

Кир не ответил. После ухода наставника он ещё раз посмотрел начало, уже один, затем закрыл пластину. Больше в тот вечер не включал. Он понял достаточно, чтобы начать работу, и не хотел превращать просмотр в новый способ бить себя.

Вечером он открыл тетрадь. Записал счёт. Потом долго смотрел на пустую строку цены. Растяжение, колено, три дня без нагрузки. Этого было мало. Он добавил: «Мне стыдно, хотя я не нарушил правил».

Ниже написал ещё одно: «Кай учится, пока я думаю о себе».

На следующее утро скамью ему никто не уступил. Кир сел на свободное место в конце стола. Хлеб пришлось взять самому. Тейра пришла с кашей, подвинула ему соль, и завтрак продолжился.

Глава четвёртая. Цена шва

Куртка порвалась под мышкой. Кир заметил это только после стирки, когда из ткани полезла белая подкладка. Разрыв тянулся к спине, и обычная игла комендантши всякий раз возвращалась из него без нитки.

— Остаток вектора, — решила она. — Нить режет. Неси в Нижние галереи, к Рону. Только сначала узнай цену.

— А вы не можете?

— Могу выдать другую. Сорок лет назад в ней умер преподаватель счёта, и она до сих пор проверяет карманы.

Кир выбрал ремонт.

Сорен разрешил прогулку при условии, что он не пойдёт один и не станет проверять прочность мостов собой. Тейра согласилась сопровождать, потому что ей нужны были медные пластины. Селла пошла с ними: в лавках нижнего ряда продавали отработанную связующую проволоку дешевле новой, а для первых опытов её хватало.

По дороге они прошли через сушильный двор. На верёвках висели плащи, повёрнутые подкладкой наружу. Женщина с даром тёплого ветра работала веером. Дар позволял греть воздух, но направлять его приходилось рукой. Рядом её муж проверял швы и ставил на манжетах крошечные отметки, чтобы не перепутать вещи.

— Почему не зачаровать верёвки? — спросил Кир.

— Зачарованные стоят как дом, — ответила женщина, даже не оборачиваясь. — А муж уже есть.

Муж поклонился с видом ценного имущества. Тейра засмеялась. Кир поймал себя на том, что впервые за несколько дней ему не нужно притворяться, будто он занят.

Ветер из сушильного двора проводил их до лестницы. Здесь он пах мылом и яблочной кожурой; дальше к запахам прибавилось что-то горькое, цветочное. Тейра втянула носом воздух.

— Красильня открыта.

В боковом дворике между двумя высокими стенами висели полотна. Кир сначала принял их за длинные окна в разные времена суток. Одно было густо-синим, с белёсой полосой у края, другое — розовым, будто солнце просвечивало сквозь закрытые веки. По третьему, зелёному, медленно двигалась тень ветки, хотя деревьев над двором не было.

За широким чаном стояла женщина с выцветшим платком на голове. В одной руке она держала сухой лист, другой размешивала воду. По её пальцам спускалось зелёное сияние. Оно касалось поверхности, расплзалось тонкими дорожками и исчезало в ткани.

— Тень останется? — спросила Селла.

— До первой хорошей стирки. Потом будет просто зелёное. За постоянную покупательница не заплатила.

Женщина вынула край полотна. По нему прокатилась солнечная рябь. Кир протянул руку, но остановил её в воздухе.

— Можно?

— Сухое трогай. Мокрое потом с пальцев неделю не смоешь.

Он коснулся синего куска. Грубый лён, совершенно обычный на ощупь. Однако при движении ладони на нём раздвигались маленькие серебристые точки, похожие на звёзды в речной воде. Кир повернул ткань к свету. Точки собрались у складки.

— Для ребёнка, — сказала красильщица. — Боится засыпать без окна. У них комната во двор, там даже днём темно.

Тейра долго держала край другого полотна, серого. Когда она сдвигала пальцы, на нём проступал нежный голубой отсвет.

— Сколько такое?

Женщина назвала цену. Тейра аккуратно отпустила край.

— Я пока смотрю.

— Смотри. От взгляда не износится.

Кир попытался представить себе комнату с синим потолком и звёздами, собирающимися в складках. В детстве он засыпал лицом к стене: так не было видно щели под дверью, за которой родители порой говорили о нём. Если бы у него тогда было такое полотно, он, наверное, лежал бы на спине до утра.

В дверях красильни появилась девочка и спросила, можно ли уже снимать заказ для булочника. Женщина кивнула. Девочка потянула верёвку, и над двором по очереди опустились

восемь ярко-жёлтых передников. На каждом на миг распустился белый цветок и свернулся обратно в ткань.

— Он просил без цветов, — заметила девочка.

— Это пока свежие. Высохнут — уйдут.

Один цветок задержался. Девочка ткнула его пальцем. Лепестки брызнули жёлтыми искрами, и она рассмеялась.

Кир тоже улыбнулся. Уходя, он ещё раз посмотрел на синий лён. Красильщица уже сняла его с верёвки и складывала звёзды внутрь, одну за другой.

У входа в Нижние галереи стояла новая табличка о запрете прохода к Расщелине. На ней фамилию Кира не указали, но он всё равно задержался. Под табличкой два мальчишки торговали маленькими белыми кольцами из теста. Одно называлось «Первый отклик», другое — «Второй завтрак».

— Второе дешевле, — заметила Тейра.

— Почему?

— В первом дырка дороже.

Кир купил три обычных кольца. Сыт получил кусочек без соли и попытался унести всю покупку.

Мастерская Рона находилась за лавкой, где продавали пуговицы с памятью. Такие пуговицы сами находили свою петлю, но плохо переносили смену владельца. На витрине одна без конца перепрыгивала с белой рубашки на старый жилет.

На двери мастерской было написано: «Ремонт. Подгонка. Швы. С телом — к лекарю».

Рон оказался ненамного старше Севрана. У него были

тёмные кудри, короткие пальцы и спокойное лицо человека, который много времени проводит над мелкой работой. На правом запястье виднелись две тонкие линии, сходящиеся в узел.

Он держал за подбородок маленького мальчика. На щеке у того краснел неглубокий порез. Мать стояла рядом с полотенцем.

— Не закрывай, — сказала она. — Лекарь велел сначала промыть.

— Уже промыли. Я только сведу края, пока донесёте. Заживлять не умею.

Рон коснулся кожи с двух сторон. Между пальцами возникла тончайшая светлая нить. Мальчик замер. Порез сомкнулся.

— Не трогай языком изнутри, — велел Рон. — И не ешь горячее. Снимут у лекаря.

Мальчик спросил, останется ли шрам. Рон ответил, что это зависит от того, насколько усердно тот будет делать всё запрещённое. Ребёнок сразу спрятал руки за спину.

Когда они ушли, Кир показал куртку. Рон вывернул её, провёл ногтем по ткани, приложил к разрыву полоску бумаги. Бумага распалась на две части.

— Учебный вектор. Кто-то очень аккуратный тебя приложил.

— Кай.

— А. Значит, ты Астор.

Кир приготовился к вопросу о двери. Рон спросил другое:
— В долг или сразу?
— Сколько?

Цена оказалась выше, чем он рассчитывал. Рон объяснил: сначала убрать остаточное напряжение, потом заменить участок подкладки, иначе шов снова разойдётся.

— А просто зашить?

Рон взял два лоскута. Один новый, другой ветхий, почти прозрачный. Соединил их светлой стёжкой и потянул. Шов остался цел, старая ткань расползлась рядом.

— Мой дар держит соединение. Вещь от этого моложе не становится. Хочешь дёшево — зашью. Через день прине-сёшь опять.

Кир расплатился почти всеми свободными монетами. Пока Рон записывал заказ, Тейра разглядывала мешок с медными обрезками у стены.

— Это на выброс?

— Это на обмен. Не одно и то же.

— Нам нужны широкие пластины.

— Зачем?

Она показала схему отвода силы. Рон вытер руки, посмотрел внимательнее. Селла объяснила, где расходятся каналы. Разговор быстро ушёл в слова, которых Кир не знал. Он сел на табурет и впервые оказался тем, кто ждёт, пока другие обсудят что-то важное.

Рон предложил сшить медные полосы с кожаной основой

так, чтобы соединение не пересекало рабочую жилу. Селла сразу нашла недостаток: при нагреве кожа потянет пластину. Они поспорили, сделали пробу, порвали её и стали пробовать иначе.

Кир поднялся помочь. Рон дал ему подержать заготовку. Это оказалось полезнее, чем вставлять советы.

Пока пробная основа остывала, в мастерскую вошёл мужчина с большой сумкой. Достал из неё детский плащ, сложенный очень бережно. На спине зияла рваная дыра, края которой были обуглены.

Рон взял вещь и сразу перестал спорить с Селлой.

— Все целы?

— Руки обжёг. Уже лучше. Просит этот плащ обратно. Другой не хочет.

Рон кивнул и начал искать подходящую ткань. Мужчина спросил о цене. Получив ответ, пересчитал монеты дважды, затем попросил сделать только нижнюю часть, чтобы не цеплялась дыра.

Кир смотрел на плащ и думал, что Рон сейчас предложит починить бесплатно. Так обычно заканчивались истории о добрых мастерах. Рон ничего подобного не предложил. Спросил, сможет ли мужчина принести два куска дубовой доски для полки. Тот оказался столяром. Они договорились об обмене, и напряжение ушло из комнаты так быстро, что Кир заметил его только после исчезновения.

Когда мужчина вышел, Рон положил плащ отдельно.

— Почему просто не зашить? — спросил Кир. — С твоим даром это быстро.

— Быстро соединить края. А ткань по спине выгорела, её надо снять и заменить. Подкладку тоже. Иначе ребёнок зацепится на лестнице, всё разойдётся, и он полетит вниз вместе с моей хорошей работой.

— Я не хотел сказать, что ты должен бесплатно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.